

37
мк
Ур.

Е.К.МАКСИМОВ, Г.П.МУРЕННИНА

ДОРОГИЕ КАЖДОМУ МЕСТА

Е.К.МАКСИМОВ, Г.П.МУРЕННИНА

87
М12

ДОРОГИЕ КАЖДОМУ МЕСТА

Памятные места
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
в Саратове

03 + 84 X
90 97
87 9522-31
83 92 93

БАЛАКОВСКАЯ
Центральная библиотека

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1979

87.3(2)
М 17

Художник В. Ф. Найденко

Максимов Е. К. и Муренина Г. П.

М 17 Дорогие каждому места: Памятные
места Н. Г. Чернышевского в Саратове. —
Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1979. — 95
с., ил.

В очерке-путеводителе рассказывается о памятных местах Саратова, связанных с именем великого революционера-демократа.

Книга рассчитана на туристов, краеведов и в целом на широкий круг читателей.

20904
61 - 79

87.3(2)
1ФС

© Приволжское книжное издательство, 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Саратов дал России Чернышевского. Город вошел в биографию Николая Гавриловича как время его детства и юности, мужания и первых творческих планов, здесь прошли последние месяцы его жизни, сложившейся трагически для революционного борца. И не случайно Саратов свою революционную родословную начинает именно с Чернышевского, великого мыслителя и ученого, руководителя демократического движения 60-х годов прошлого века. Центр народничества в Поволжье, город мощного рабочего движения и крепнущего марксизма, место подпольной деятельности сестер Ульяновых, Саратов на всех этапах освободительной борьбы напоминал властям о той самой «чернышевщине», которая, видоизменяясь, заявляла о себе как все более грозная политическая сила.

Связанные с именем Чернышевского здания, улицы и площади в Саратове давно стали памятными, особо хранимыми и чтимыми советскими людьми. Памятные доски, установленные на многих из «домов Чернышевского», постоянно напоминают горожанам и гостям Саратова о великом имени, о глубоких связях революционера-демократа с родным городом.

Со времени последнего описания памятных мест Чернышевского в Саратове прошло четверть века *. Авторы предлагаемого читателю очерка-путеводителя осуществили новое исследование всего материала, под-

* Чернышевская Н. М., Малинин Г. А. Памятные места Н. Г. Чернышевского в Саратове. Саратовское кн. изд-во, 1953.

вергнув архивной проверке существующие сведения. В результате уточнены многие адреса, фамилии прежних домовладельцев, произведен строгий учет сохранившихся памятных мест. По проверенным данным подтверждается расположение дома Ф. С. Вязовского, двоюродного деда и крестного отца Н. Г. Чернышевского (ул. Волжская, 7). В 80-х годах в этом доме (в наши дни здания не существует) жил близкий знакомый Чернышевского, редактор газеты «Саратовский дневник» Н. Ф. Хованский. Адрес Хованского, указанный в путеводителе 1953 года (ул. Чернышевского, бывший дом № 183), оказался неточным. Документально установлено, что врач С. Е. Васильев, отец жены Чернышевского, собственного дома не имел. Он снимал большой одноэтажный флигель у одного из крупных домовладельцев. Выяснено также место первого знакомства Чернышевского с известным историком Н. И. Костомаровым. Оно произошло не в доме, находящемся ныне на улице Шевченко, 36, как считалось до сих пор, а в другом, расположенном на бывшей Ильинской улице (ныне пересечение ул. Чапаева и Советской), где Костомаров арендовал дом у архивариуса духовной консистории. В квартиру, известную по адресу: улица Шевченко, 36, историк переехал позже. Заново открыто месторасположение дома Залетаевых, где жила собирательница русских народных песен и поэтесса А. Н. Пасхалова (Мирный пер., 8. Здание не сохранилось). Чернышевский часто навещал ее в 1851—1853 годы. Прежние утверждения, будто Пасхалова жила на Большой Сергиевской (ул. Чернышевского, 178), документами не подтверждаются. Уточнены сведения об адресах саратовских знакомых и родственников Чернышевского Д. М. Вакурова, Н. М. Кобылина, А. Д. Горбунова, В. А. Акимова, М. Патрикеева. Определено место встречи Чернышевского с поэтом Я. П. Полонским в 1889 году (ул. Горького, 35).

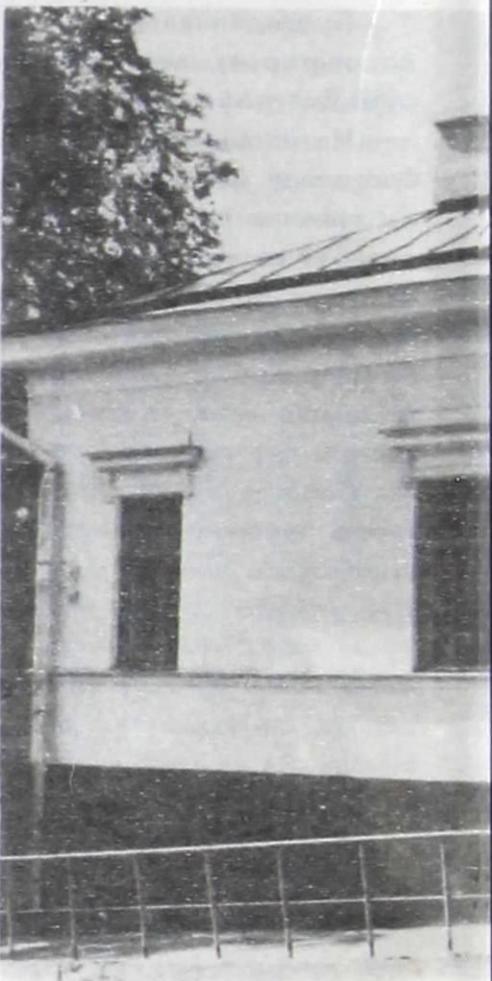
Проведенная авторами очерка-путеводителя работа корректирует, таким образом, многие детали саратовской биографии писателя-революционера.

На площади, носящей имя Чернышевского, стоит бронзовая фигура революционера-демократа. Он как бы навечно вернулся в родной город на Волге, символизируя связь времен, и саратовцы чтят его как провозвестника счастливого грядущего, о котором читаем им же написанные проникновенные строки: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...»

Саратов дал России Чернышевского. Это много. И город бережно хранит память о своем великом сыне.

А. А. Демченко,
кандидат филологических наук

Дом семьи
Чернышевских на
бывшей Большой
Сергиевской улице
(ныне мемориальный
Дом-музей его имени).
Вид с улицы
Чернышевского.

Среди многих великих людей, чья жизнь связана с Саратовом, особое место принадлежит Николаю Гавриловичу Чернышевскому, революционеру-демократу, учёному, писателю. Н. Г. Чернышевский родился в Саратове 12 [24] июля 1828 года в семье священника. По своему происхождению он был типичным разночинцем «Наше семейство не принадлежало даже к среднему кругу губернского почета и блеска», — вспоминал много позже Н. Г. Чернышевский.

«...Я прожил в семействе до 18 лет, потом два с лишком года, бывши учителем в Саратовской гимназии; потом два раза приезжал на месяц, на полтора к батюшке...»¹. Как явствует из автобиографического высказывания, писатель-демократ прожил в Саратове более двадцати лет: застенчивый, любознательный мальчик, вдумчивый, не по годам развитой семинарист, поражающий всех своими познаниями, старший преподаватель словесности, «проповедующий революцию», известный

литератор, властитель дум передовой молодежи, сумевший «вплоть до 88 года оставаться на уровне цельного философского материализма»².

Историческое значение Н. Г. Чернышевского, его идейного и литературного наследия получило высокую оценку в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Н. Г. Чернышевский как оригинальный мыслитель, последовательный революционер был близок по духу К. Марксу и Ф. Энгельсу. Список книг, содержащий перечень трудов русского мыслителя, которые находились в библиотеке К. Маркса, говорит о том, что Карл Маркс хорошо знал произведения Чернышевского. По свидетельству самого Маркса, он упорно изучал русский язык, чтобы в подлинниках знакомиться с сочинениями Чернышевского. К. Маркс отмечал: «...из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы... его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли»³. Касаясь событий дореформенного периода, Маркс и Энгельс говорят о Чернышевском, как о «человеке, который больше всего сделал для вовлечения в социалистическое движение в России... учащейся молодежи». Чернышевский называется «главой революционной партии».

Рассказывая о своем пути к марксизму, В. И. Ленин отмечал ту огромную роль, которую сыграли Н. Г. Чернышевский и его наследие в формировании его взглядов. Ленин вспоминал, что читал Чернышевского «с карандашом» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Энциклопедичность знаний Чернышевского, ясность его революционных взглядов, беспощадный полемический талант покоряли Владимира Ульянова.

«Величайшая заслуга Н. Г. Чернышевского, — указывал В. И. Ленин, — в том, что он не только показал.

что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное, каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»¹.

«Я РОДИЛСЯ В САРАТОВЕ...»

Дом и усадьба Чернышевских.—«Корнилов дом». — Книжная лавка Вакурова. — Духовное училище и семинария. — Общежитие духовной семинарии.

Саратовская действительность занимает большое место в биографии и литературном творчестве Н. Г. Чернышевского. В годы его юности (1830—1840-е) Саратов был уже большим губернским городом. Вниз по Волге его граница доходила до Ильинской площади и кладбища [ныне район пл. Фрунзе], а вглубь — почти до Астраханской дороги. Застраивалась и горная часть за Глебучевым оврагом.

Из более чем трех тысяч домов было всего триста пятьдесят четыре каменных, остальные деревянные. Население города составляло сорок девять тысяч человек.

Промышленность была развита слабо. На фабриках и заводах работало всего семьсот шестьдесят постоянных и около пятисот временных работников. Здесь изготавливали колокола, гончарные изделия, кирпичи, обрабатывали кожи, овчины, ткали хлопчатобумажные ткани, платки, чулки. Высоко ценилась продукция салотопенных заводов, которая через Петербург шла на внешнюю торговлю.

Особенно оживленно было на Волге, где тысячи поденно работающих людей были заняты выгрузкой и погрузкой товаров на судах. Большое место в саратовской торговле занимала соль, привозимая сухопутем и по Волге с озера Эльтон. Соль из Саратова отправлялась в девять губерний России. Немало вывозилось и хлеба.

В сельском хозяйстве губернии господствовало помещичье землевладение. В условиях зарождающихся капиталистических отношений помещики-крепостники увеличивали свои доходы за счет усиления эксплуатации крестьян. Тяжелое положение крепостного крестьянства усугублялось голодными годами и неурожаями. Это подрывало их и без того слабое хозяйство, приводило его в упадок. Поэтому все более обостряется классовая борьба крестьян со своими угнетателями. В 1841 году три уезда губернии были охвачены массовыми волнениями крестьян, которые заявляли: «не хотим быть за барином», «не хотим быть за уделами».

В Саратове в те годы было открыто несколько гражданских и духовных учебных заведений, в которых учились главным образом дети дворян, чиновников, духовенства. Хотя в городе существовали библиотеки при гимназии и семинарии, они не были доступны широким массам. Единственным развлечением горожан было посещение театра, на сцене которого наряду с мелодрамой и водевилями ставились «Ревизор» Гоголя, «Разбойники» Шиллера, «Аскольдова могила» Верстовского, «Наташка-Полтавка» Котляревского и другие.

До наших дней сохранились улицы, площади, отдельные места и здания, связанные с пребыванием в Саратове великого революционера-демократа в 30—40-х годах прошлого века, в годы его педагогической деятельности и последние месяцы жизни в родном городе. Многие здания отмечены мемориальными досками. Это прежде всего дом, построенный по проекту Гаврилы Ивановича Чернышевского, где с 1826 года жила семья Чернышевских, ныне Государственный ордена «Знак Почета» Дом-музей Н. Г. Чернышевского [ул. Чернышевского, 142]. «Вдоль берега — версты две с половиной от мест, соседних с Соколовским оврагом, до другого, Ильинского оврага, — читаем мы у Н. Г. Чернышевского, — идет почти совер-

Мемориальный
Дом музей
Н. Г. Чернышевского
(вид со двора).

шенно прямая улица. На плане, бывшем у моего батюшки, она называется Царицынскою. Почти на половине длины этой улицы стоит наша церковь, Сергиевская, и от нее средняя часть улицы всегда, а большей частью и вся улица называлась в свое время Сергиевской. На этой улице, в нескольких десятках сажен от нашей церкви, книзу по течению Волги, стоит наш дом»⁵.

Сергиевская улица начиналась у Глебучева оврага, пересекала место Царицынских ворот, стоявших около

нынешнего Князевского взвоза, и тянулась дальше вдоль Волги, где еще недавно проходила Царицынская дорога. Местность вдоль дороги была когда-то покрыта лесом, большей частью дубовым, вплоть до Увека. Но лес близ города со временем вырубили, а долго торчавшие пни деревьев дали название месту — «Пеньки». Здесь «на пространном путейном месте за Царицынскими воротами» была построена Сергиевская церковь; у речки Белой Глинки [ныне здесь ул. Борисова-Мусатова] находились пивоварни, кирпичные сараи,

провиантские магазины и батальонный лазарет. Тут же было городское кладбище с церковью и богадельней.

К 30—40-м годам прошлого столетия Сергиевская улица уже была заселена до Ильинской площади [ныне пл. Фрунзе]. На ней кроме обывательских домов были почта, съезжая изба, два небольших корпуса Александровской больницы, несколько казенных зданий и две церкви. Со временем, несмотря на частые пожары, когда улица выгорала на многие кварталы, обе ее стороны были застроены. Деревянные дома шли вперемежку с каменными, между ними тянулись бесконечные заборы, за которыми виднелись садики. Из каменных зданий особенно выделялись массивные купеческие особняки.

Тихой и солнливой была жизнь центральной части улицы. Только в праздники она оживала.

Кварталы Сергиевской улицы, расположенные близко от Новособорной [ныне Коммунарной] площади, на которой размещались губернские присутственные места и другие учреждения, заселялись в основном чиновниками. Здесь же находился и дом Чернышевских.

Дом Чернышевских — деревянный, обнесенный кирпичом, одноэтажный [мезонин с балконом и веранда, украшенная колоннами, обращены к Волге]. Он был построен на усадьбе, приобретенной отцом писателя в 1822 году. Сохранился «План с фасадами на построение деревянного на каменном фундаменте дома с таковым же флигелем и воротами», утвержденный саратовским губернатором А. Д. Панчулидзеым. На обороте имеется помета: «1826 года июля 1-го дня сей план в Саратовской градской полиции явлен и в книгу под № 12 записан и для такового же предъявления и наблюдения за выстройкою во 2-й города части выдан». Однако дом строился с отступлением от проекта. Стены были обложены кирпичом, а выходящие на север окна боковых комнат сделаны тройными. Несколько с отступом от

улицы был выстроен флигель, которого в наши дни не существует. По фамилии жившей здесь долгое время одной семьи он так и назывался «флигель Эдемовых»⁶.

Кроме дома Чернышевских до настоящего времени сохранились флигель О. С. Чернышевской и дом Пыпиных, бывшие на усадьбе при Николае Гавриловиче.

На месте флигеля О. С. Чернышевской в годы детства и юности великого демократа стоял домик постоянной квартирантки Чернышевских Устиньи Васильевны Кошкиной, который сгорел во время одного из пожаров. Здесь же в 1880 году был построен другой, сохранившийся доныне. Строение было приобретено Ольгой Сократовной тогда же у вдовы А. А. Шапуриной⁷. По рассказам, оно принадлежало няне О. С. Чернышевской и находилось на усадьбе дома, где жили Васильевы. Ольга Сократовна прожила здесь вплоть до освобождения мужа из Сибири.

В детские годы и позже Н. Г. Чернышевский бывал в доме своего деда — священника Г. И. Голубева. Теперь этот дом известен под названием «дом Пыпиных» [ул. Некрасова, 5]. Кирпичный, двухэтажный дом, с деревянной пристройкой со двора Георгий Иванович Голубев купил у саратовского купца П. А. Трумпицкого в 1801 году⁸.

Две дочери священника — Евгения и Александра, вышедшие замуж — одна за священника Г. И. Чернышевского, вторая — за прaporщика Н. И. Котляревского, а после его смерти — за чиновника Н. Д. Пыпина, положили начало большой и дружной семье Чернышевских—Пыпиных. «Дядя и тетка, — писал Чернышевский из ссылки Ольге Сократовне, — жили вместе с моими отцом и матерью в продолжение большей части годов моего детства и отрочества. Поэтому не только отец и мать, но и дядя и тетка были для меня теми старшими, жизнью которых формировался мой характер»⁹.

Флигель
О. С. Чернышевской.

С братьями и сестрами Пыпиными Чернышевский оставался дружен всю жизнь. Особенно был близок ему Александр Николаевич Пыпин, впоследствии известный ученый-академик, историк русской литературы. Именно ему, брату Сашеньке, поверяет восемнадцатилетний Чернышевский свои мысли о назначении человека. «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого!»¹⁰.

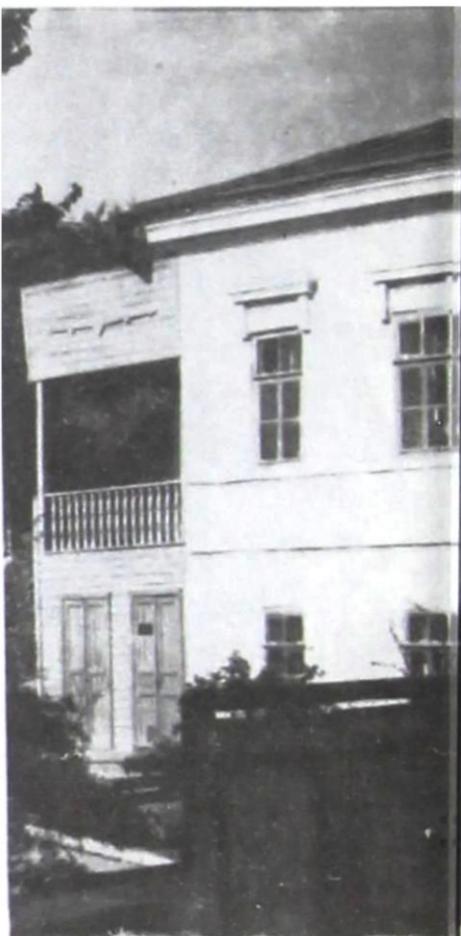
А. Н. Пыпин материально поддерживал семью Чер-

нышевского после ареста и ссылки писателя, воспитывал его сыновей Михаила и Александра, заботился о доставке ссыльному книг и журналов, а в последние годы помогал в поисках работы. Александр Николаевич сохранил огромный архив Чернышевского. В 1864 году Пыпин купил дом Чернышевских, который позднее подарил его сыновьям, таким образом сохранив его для потомков.

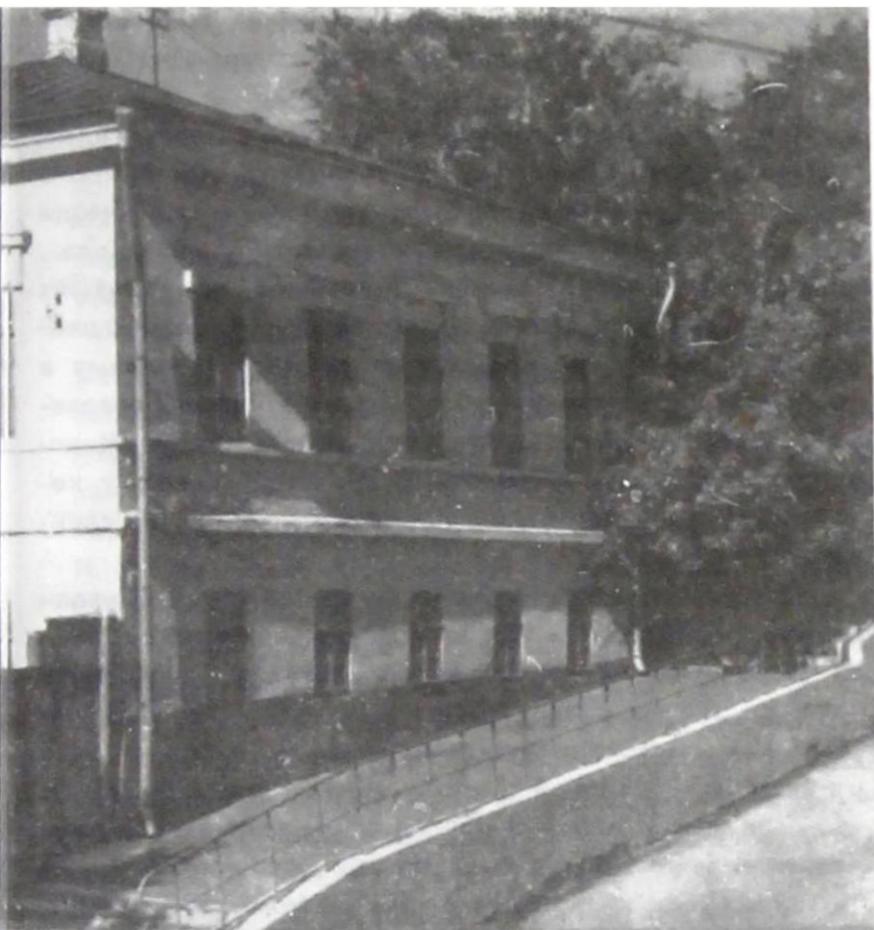
На усадьбе Чернышевских существовал ряд несохранившихся построек: деревянные службы (конюшня),

Дом Пыпиных.

кухня, коровник и баня. За конюшней был разбит фруктовый сад с яблоневыми, грушевыми и вишневыми деревьями. По воспоминаниям двоюродной сестры Н. Г. Чернышевского Екатерины Николаевны Пыпиной, на усадьбе росли также ветла, желтый и розовый шиповник, сирень и желтая акация.

Дом, усадьба, берег Волги играли большую роль в детских впечатлениях мальчика. Современники рассказывают, что Николай был «бойкий мальчик, предававшийся играм с увлечением и страстью... В том

квартале, где стоит дом Чернышевских, было много мальчиков, детей чиновников и мелких дворян; особенно много их было на дворе, находившемся рядом с домом Чернышевских и прозванном «Малой Азией»*, там, между прочим, строили себе дома небогатые чиновники¹¹. Демократическое окружение оказывало благотворное влияние на Чернышевского. «Жизнь моего

* Нижняя часть усадьбы Пыпиных, спускавшаяся к Волге.

детства, — говорил писатель-демократ, — была погружена в жизнь моего народа, которая охватывала меня со всех сторон».

Саратовская действительность как в капле воды отражала все пороки существующего крепостного строя. С ранних лет ему «случалось слышать, а иногда и самому видеть проявления крепостного произвола... слышать о тяжестях крестьянской жизни, приводивших к так называемым бунтам»¹². Из окон дома Чернышевский мог наблюдать, как вели рекрутов, закованных в кандалы, для размещения по острогам перед отправкой на двадцатипятилетнюю военную службу. На Новособорной площади возвышался позорный столб, у которого плетьми наказывали провинившихся ремесленников и крестьян.

Окружающая жизнь, семья, литература формировали характер и образ мыслей юного Чернышевского.

Незаурядные способности мальчика проявились рано. Ко времени поступления в духовную семинарию он знал несколько иностранных языков, был знаком с математикой, историей, богословием. Первым учителем его был отец. Наряду с общим образованием Гаврила Иванович закладывал в сыне основы нравственного воспитания: «честный человек всеми любим», «юным прилична скромность», — старательно выводил семилетний Николая.

Известно, что французскому языку мальчик обучался в частном пансионе Золотаревых. Пансион считался неплохим, о чём знал Гаврила Иванович, которому часто приходилось давать уроки, поэтому он и определил сюда своего сына. Золотаревы жили недалеко от Чернышевских, но точный адрес неизвестен.

Семья Чернышевских выделялась из саратовского круга знакомых широтой умственных интересов, в доме зачитывались сочинениями русских классиков, выписывались популярные тогда журналы «Отечественные за-

писки», «Живописное обозрение». В «Отечественных записках» 40-х годов печатались статьи В. Г. Белинского, А. И. Герцена. «Из этого источника раньше я воспитывался», — писал революционер-демократ¹³. В сочинениях лучших зарубежных и русских писателей черпал юный Чернышевский веру в то, что из «дикой бессмыслицы разовьется жизнь, приличная человеческому обществу».

Окна дома Чернышевских выходили на Волгу. Берег, река занимали значительное место в жизненных впечатлениях Чернышевского. «Окна дома, в котором жили мы, выходили на Волгу. Все она и она перед глазами, — и не любуешься, а полюбишь. Славная река...»¹⁴. Удивление перед красотой родной реки Н. Г. Чернышевский сохранил на всю жизнь. «В первый раз после четырех лет увидел Волгу, — писал он, — все сердце ожило. Опять я был радостен и добр, любуясь на нее. Не оторвался бы от нее»¹⁵. Однако картины природы не заслоняли обыденной тяжелой жизни простого народа. Наблюдая жизнь бурлаков, тянувших баржи, кулачные бои, когда на волжский лед выходили «стенка на стенку» простые люди, ищащие выхода удальству и сипе, Чернышевский поражался тому, как терпелив и в то же время силен русский народ.

Интересна судьба дома нашего великого земляка. Еще в 1908 году Алексей Максимович Горький предлагал создать историко-революционный музей имени Н. Г. Чернышевского, для которого выкупить дом у его наследников. Вскоре после Февральской революции 1917 года Саратовская городская дума приняла постановление о приобретении в собственность города дома, где родился Н. Г. Чернышевский. Но постановление так и осталось на бумаге.

Только в годы Советской власти были проведены мероприятия по увековечению памяти великого революционера-демократа на его родине.

В марте 1918 года младший сын писателя М. Н. Чернышевский передал государству дом своего отца. В докладной записке наркому просвещения А. В. Луначарскому было сказано: «Дом Чернышевского в Саратове [на углу Б. Сергиевской и Гимназической ул.] представляет небольшое одноэтажное здание с мезонином, всего лишь из пяти комнат внизу и одной комнаты на верху в мезонине. Эта последняя комната, с балкончиком, выходящим на Волгу (дом стоит на высоком берегу Волги), и была комнатой Чернышевского...»¹⁶. На дом была выдана «Охранная грамота», подписанная А. В. Луначарским. Это был первый шаг Советского государства поувековечению памяти революционера-демократа. В. И. Ленин проявил большой интерес к делу создания музея. Беседуя с заместителем наркома просвещения П. И. Лебедевым-Полянским, он заметил: «А вы знаете, Михаил Николаевич, сын Чернышевского, организует в Саратове музей, где будут собраны рукописи, фотографии и т. п. Хорошее дело, надо всячески помогать. Скажите Луначарскому»¹⁷.

25 сентября 1920 года в «Известиях» ВЦИК был опубликован Декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный В. И. Лениным, который гласил, что «находящийся в Саратове музей имени Чернышевского является национальным достоянием»¹⁸. Так было положено начало Государственному Дому-музею Н. Г. Чернышевского. Дом-музей стал уникальным хранилищем мемориальных и личных вещей Н. Г. Чернышевского, предметов быта эпохи, книг, документов, рукописей, фотографий. К 150-летию со дня рождения великого русского революционера-демократа в музее восстановлена обстановка дома Чернышевских в 30—40-е годы прошлого века. За большую работу по изучению и пропаганде идейно-теоретического и художественного наследия Н. Г. Чернышевского Дом-музей был награжден орденом «Знак Почета».

На здании Дома-музея при входе на усадьбу установлена мемориальная доска: «В этом доме 24 июля 1824 года родился и жил до 1853 года великий русский революционный демократ Николай Гаврилович Чернышевский».

Воспоминания двоюродной сестры Чернышевского Е. Н. Пыпиной позволяют в подробностях выяснить назначение комнат, расположение мебели и другие бытовые детали в доме. Несколько раз он подвергался пожарам. В памяти современников Н. Г. Чернышевского сохранились сильные пожары 1857 и 1866 годов, когда выгорала значительная часть Саратова. После пожара 1866 года от дома остались только три стены. Флигель и кухня, конюшня, баня и даже забор сгорели полностью. Восстановленный после 1866 года с незначительными перестройками дом сохранился до нашего времени. Реставрация 1926 года вернула зданию первоначальный внешний облик. Позднейшие реставрационные работы коснулись и внутреннего вида комнат. Так, Е. Н. Пыпина вспоминала, что ей больше всего «нравилась гостиная — с разрисованным потолком: посреди был роскошный венок из самых разнообразных цветов: роз, тюльпанов, включая даже мелкие незабудки, по углам букеты, а вокруг всего потолка бордюр из мелких цветов». С учетом этих воспоминаний выполнена в настоящее время роспись плафона художниками В. И. Сыровым и П. С. Ковлагиным.

Кроме дома детские впечатления Н. Г. Чернышевского тесно связывались с Сергиевской церковью, где отец служил протоиереем. Церковь Нерукотворенно-Спасская [Сергиевская] была построена в 1768—1770 годах. Она часто горела в пожары, обветшала, и в 1825 году живший рядом помещик В. М. Максимов на прежнем месте вместо старой сломанной выстроил новую каменную церковь.

В «Автобиографии», подчеркивая разночинный ха-

рактер своей семьи, Чернышевский писал: «Церковь — это была у нас преимущественно «наша церковь», т. е. Сергиевская, в которой служил мой батюшка; в доме Федора Степановича, моего крестного отца и мужа сестры моей бабушки, — преимущественно «собор» и исключительно «новый»; эти церкви очень озабочивали собою всех нас, вслед за батюшкою и крестным отцом: нас наша церковь главным образом со стороны обыкновенного ремонта, на который вообще не хватало ее доходов; например, «белить церковь» — вероятно, наша семья столько же толковала об этом вопросе, сколько о том, делать ли вновь деревянную кровлю на нашем доме, когда прежняя изветшала, или крыть дом железом»¹⁹.

В годы Советской власти на месте Сергиевской церкви построено здание Научно-исследовательского института травматологии и ортопедии (ул. Чернышевского, 148).

Исполняя обязанности благочинного члена духовной консистории, Гаврила Иванович должен был много времени проводить в присутственных местах. Маленький Николай любил ездить с отцом по городу. Особенно поощрялись Евгенией Егоровной совместные поездки в духовную консисторию, чтобы старший Чернышевский, зная, что его ждет сын, не задерживался долго по своим делам. Консистория тогда помещалась на Никольской улице в надстроенном флигеле бывшей Межевой конторы [ныне не сохранилась], на месте которого в 1854 году было выстроено новое здание консистории [ныне театральное училище, ул. Радищева, 24].

Но особенно любил юный Чернышевский бывать вместе с бабушкой Пелагеей Ивановной у своего

* Федор Степанович Вязовский — саратовский священник, крестный отец будущего писателя, венчавший Н. Г. Чернышевского с О. С. Васильевой.

крестного отца — двоюродного деда Федора Степановича Вязовского, известного в городе священника. Вязовские жили на Армянской (ныне Волжской) улице в небольшом деревянном доме. Когда-то он выходил фасадом на улицу, но при перепланировке кварталов уличной сети старой части города дом Вязовского оказался посреди двора, выходя косо к углу улицы. Это здание не сохранилось, на его месте построен многоэтажный жилой дом [ул. Волжская, 5/9].

Саратовская действительность послужила впоследствии богатым материалом для литературной работы Н. Г. Чернышевского. В романах «Что делать?», «Пролог», «Алферьев», «Повести в повести», «Автобиографических отрывках» и других произведениях мы находим штрихи биографии автора, места действия, в которых легко угадывается Саратов, образы героев, прототипами для которых служили саратовские знакомые писателя.

В романе «Что делать?» писатель описывает событие, имевшее место в Саратове в годы его детства. Его, двенадцатилетнего мальчика, разбудил звук набата. Горели жилые дома и склады на берегу Волги. Сбежавшиеся на пожар люди таскали лубяные тесвары погданьше от горящих домов. «...Принялся и я, — писал Чернышевский, — куда девался весь мой страх! Я работал очень усердно, пока сказали нам: «Довольно, опасность прошла». С той поры я уже знал, что если страшно от сильного пожара, то надобно бежать туда и вовсе не будет страшно»²⁰.

«Автобиографические отрывки» Н. Г. Чернышевского открываются главой «Корнилов дом». «...Из частных домов он был тогда самый большой в нашем городе, — в два этажа, 18 окон на нашу улицу и 7 окон на Московскую улицу. Угол дома был закруглен и поднят куполом, выкрашенным зеленою краскою, между тем как остальная, тоже железная кровля бы-

Дом купца Корнилова
(ныне жилой дом,
пр. Ленина, 17).

ла красная»²¹. В детстве Н. Г. Чернышевский побывал однажды в этом доме, принадлежавшем саратовскому купцу Степану Корниловичу Корнилову, о богатстве которого в городе ходили легенды. Разбогатев на торговле, Корнилов купил большую мельницу и сдавал ее в аренду, получая огромные по тому времени доходы. Тем больше было удивление мальчика, увидевшего убогость обстановки в доме богатого купца. Из-за жадности Корнилов и его жена отказывали себе во всем, скапливая деньги и зарывая их во дворе.

В доме Корнилова юный Чернышевский стал свидетелем дикой сцены избиения женой своего немощного мужа в отместку за его прежние издевательства, описанной им впоследствии в рассказах как проявление нравов «темного царства».

Саратовские краеведы и теперь называют дом «корниловским». Его фасады, еще недавно украшенные мезонинами и выходящие на обе стороны улицы, объединяет закругленный угловой ризалит: украшенная четырьмя колоннами ротонда, опирающаяся на

высокий цоколь — первый этаж. Здание весьма выразительно и несколько парадно. В наши дни это жилой дом [пр. Ленина, 17].

Та часть города, где находился дом Корнилова, была хорошо знакома юному Чернышевскому. Это Старособорная (ныне Музейная) площадь, на которой располагались Гостиный двор, базар, духовные учебные заведения, старый Троицкий собор, книжная лавка купца Вакурова — места, не однажды посещаемые мальчиком.

В «Автобиографии» Н. Г. Чернышевского читаем: «С площади Старого собора, параллельно оврагу, идет в глубину амфитеатра Московская улица. Сергиевская улица кончается, пересекаясь с нижним концом ее... между площадью Старого собора и концом Сергиевской улицы стоит Гостиный двор; потому эти две улицы были мне, ребенку, свои, знакомые, чуть не ежедневные»².

Старособорная площадь получила свое название от возвышающегося посреди ее Троицкого собора, который называли «старым» в отличие от нового Александро-Невского собора, монументального сооружения, воздвигнутого в центре города в честь победы русского оружия в Отечественной войне 1812 года.

Троицкий собор построен в самом конце XVII века в стиле нарышкинского барокко. Он был одним из первых каменных зданий Саратова. Стоящая рядом колокольня, украшенная различными деталями из белого камня, поражала своей стройностью. Оба сооружения как бы стремились вверх и на фоне окружавших невысоких зданий производили довольно сильное впечатление.

В каждый церковный праздник воспитанников духовной семинарии и училища водили в собор. Вместе с другими бывал здесь и семинарист Николай Чернышевский.

Всю западную сторону площади занимал огромный Гостиный двор^{*}, сооруженный в 1811 году по проекту саратовского архитектора В. И. Суранова. Во множестве лавок на двух этажах продавались разные ткацкие и съестные припасы. В одной из лавок Гостиного двора купец Д. М. Вакуров открыл в 1830 году первую в Саратове книжную торговлю, которая затем была перенесена им во флигель собственного дома. Дом Вакурова находился напротив Гостиного двора на Московской улице и сохранился до наших дней [пр. Ленина, 9].

Бывший крепостной Вакуров, откупившись на волю от помещика, имея небольшие средства, занялся торговлей и благодаря своей предприимчивости быстро нажил капитал. Умом и отличавшей его правдивостью он снискал себе уважение в обществе. Вакуров вначале приобретал книги у заезжих купцов, а позднее сам установил связи с московскими издателями. В дни смерти А. С. Пушкина книготорговец поместил в окне своего магазина портрет поэта, чем вызвал неудовольствие властей. Когда он пытался выставить портрет убитого на дуэли М. Ю. Лермонтова, то снова имел неприятности. Вскоре Вакуров прекратил книжную торговлю.

Книжный магазин Д. М. Вакурова был местом сбора саратовской интеллигенции, которую привлекали сюда не только книги, но и сам хозяин — любознательный человек и интересный собеседник. Постоянным посетителем книжной лавки Вакурова был Гаврила Иванович Чернышевский, вследствие чего в доме имелись «свежие тома сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя, некоторые журналы»²³. Непремен-

* На этом месте в начале XX века построено здание Управления Рязано-Уральской (теперь Приволжской) железной дороги (пр. Ленина, 8).

Книжная лавка
Вакурова (ныне жилой
дом, пр. Ленина, 9).

ным спутником отца в этих поездках был маленький Николай.

Наиболее памятные места этого периода — духовное училище и семинария. Как сын священника, Николай Чернышевский должен был пройти все этапы обучения в духовных учебных заведениях и занять затем место священнослужителя в одной из церквей. Но Гаврила Иванович, испытавший на себе жестокие нравы бурсы, не захотел отдать сына в училище. Поэтому подобно многим детям духовного звания Николай Гавrilovich

был записан в училищные ведомости, но занятий в училище не посещал, а находился, как говорили тогда, «в домовом образовании», то есть обучался на дому.

В 1842 году домашнее образование Чернышевского закончилось, и, как гласят официальные ведомости, он из духовного училища был переведен в духовную семинарию. До наших дней сохранился на бывшей Старособорной площади большой трехэтажный дом, построенный в 1810—1812 годах купцом Катеневым. Фасад здания украшает мощный выступающий портик из восьми

Здание бывшего духовного училища и семинарии, где учился Н. Г. Чернышевский (ныне школа его имени, ул. Челюскинцев, 12).

коринфских колонн, опирающийся на тянувшуюся по всему первому этажу аркаду. В 1830 году владевший домом купец М. А. Устинов продал его духовному ведомству. Это красивое здание было запущено, оно стояло грязное, с полуоблезшими стенами. Училище занимало два этажа, на нижнем находились классы, на верхнем — дормитории [спальные комнаты]. На втором этаже располагались классы духовной семинарии.

Ныне в здании бывшего духовного училища помещается школа № 25, носящая имя великого земляка

[ул. Челюскинцев, 12]. В школе бережно сохраняется класс, в котором учился Н. Г. Чернышевский, имеется экспозиция о семинарских годах жизни великого революционера-демократа. Здание отмечено мемориальной доской.

Саратовская семинария в то время состояла из трех классов, каждый с двухгодичным курсом обучения: низший класс — риторики, средний — философии, высший — богословия. Н. Г. Чернышевский был принят во вторую половину низшего класса. В программу семи-

Общежитие духовной семинарии (фото начала 1900-х годов).

нарских занятий входили различные языки, непременно латинский и греческий, науки, необходимые будущим священникам, как-то: пасхалия, священное писание, богословие, давались знания по истории, географии, математике и другим предметам. Но, несмотря на обширность программы, преподавание в семинарии стояло на крайне низком уровне, господствовали схоластические методы обучения, из учебников сознательно изгонялось все, что могло возбудить живую мысль и направить ее на общественные интересы.

Чернышевский заметно отличался от своих соучеников обширными познаниями и скромностью характера. В ведомостях за 1843 год он был аттестован следующим образом: «Способностей — весьма хороших. Прилежания — отлично ревностного. Успехов: по словесности — отлично хороших; по латинскому языку — весьма хороших; по всеобщей истории — отличных; по греческому языку — очень хороших; по алгебре и геометрии — очень хороших»²⁴.

По воспоминаниям современников Н. Г. Чернышевского, учитель были от него в восторге, особенно

Областной краеведческий музей, занимающий здание бывшего общежития духовной семинарии.

учитель словесности, который входил с рапортом в семинарское правление, донося ему о сочинениях Чернышевского, как о замечательных и образцовых. Сочинения Николая Гавриловича долгое время хранились в семинарской библиотеке.

Товарищ по гимназии удивляла его начитанность, к нему часто обращались с просьбой разъяснить трудный материал, перевести с латинского языка, при этом он иногда прочитывал наизусть целые главы из Лактам-

ция или Овидия. Он знал больше, чем требовалось учебной программой.

С первых месяцев пребывания в семинарии Чернышевский понял, что серьезного образования здесь он не получит. В письме от 3 февраля 1844 года к своему родственнику Раеву, студенту Петербургского университета, он сообщал: «Разумеется, скучно в семинарии... Уж если разобрать только, то лучше всего не поступать бы никуда, прямо в университет... Дрязги семинарские превосходят все описания. Час от часу все хуже, глубже и пакостнее...»²⁵. В 1845 году с «согласия и позволения родителей...» Чернышевский подал прошение об увольнении из семинарии. В январе 1846 года ему было выдано увольнительное свидетельство.

Неподалеку от семинарии в бывшем особняке купца М. А. Устинова находилось общежитие семинаристов. Большое трехэтажное здание главным фасадом выходило на площадь. Фасад был украшен десятиколонным портиком и легким орнаментом из лир и грифонов. Это здание является великолепным памятником русского классицизма. [1813 г., архитектор И. Ф. Колодин], ныне его занимает областной музей краеведения [ул. Лермонтова, 34].

Н. Г. Чернышевский бывал в общежитии, навещая своего товарища по семинарии Михаила Левицкого. По отзывам современников, Левицкий «был талантливая личность. Его живая натура не могла примириться с теми схоластическими приемами, которые тогда царили в семинарии, поэтому он редко был согласен во мнениях как с учениками, так и с учителями и спорил с теми и другими»²⁶. Николаю Гавrilовичу нравились рассказы Михаила Левицкого, и он с удовольствием и подолгу беседовал с ним. Но встречи ограничивались стенами семинарии. Чернышевский не раз приглашал его к себе в гости, однако Левицкий не решался пойти, отговариваясь тем, что у него плохая одежда, что он не умеет

держать себя в обществе. Когда Николай Гаврилович получил в Петербурге известие о смерти М. Левицкого, он горько сожалел о преждевременном уходе из жизни семинарского товарища. Память Михаила Левицкого Н. Г. Чернышевский увековечил в романе «Пролог».

В этом здании кроме общежития были квартиры ректора, инспектора и профессоров, как тогда называли преподавателей.

Ныне на здании музея краеведения установлена мемориальная доска.

«...ДЕЛАЮ ЗДЕСЬ ТАКИЕ ВЕЩИ,
КОТОРЫЕ ПАХНУТ КАТОРГОЮ...»

Саратовская мужская гимназия. — «Дом Васильевых». — «Дом губернатора Кожевникова». — Новые адреса.

В 1846 году Чернышевский становится студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. Но, и проживая в столице, юноша не прерывал связи с Саратовом. Он регулярно наезжал в родной город, переписываясь с саратовцами. В письмах к родным постоянно упоминаются саратовские улицы, дома, знакомые, друзья детства. После успешного окончания университета Николай Гаврилович подает прошение о назначении в Саратовскую гимназию преподавателем словесности.

В 1820 году народное училище в Саратове было преобразовано в первую мужскую гимназию. Губернатор А. Д. Панчулидзе уступил под гимназию свой собственный, еще не достроенный дом, получив от городского общества большую сумму, и обязался закончить строительство за свой счет. Здание гимназии было двухэтажным. Главный фасад с портиком из александровских колонн и антресолями выходил на Волгу. Скромный портик из таких же колонн украшал и уличный боковой фасад. Со временем открытия гимназии здание неоднократно перестраивали, убрали колонные портики, надстроили третий этаж. В наши дни в этом здании, отмеченном мемориальной доской, размещаются областной суд, прокуратура и ряд других учреждений [ул. Некрасова, 17].

Во времена Н. Г. Чернышевского здание гимназии было ветхим, разрушалось. В нижнем этаже, во флиге-

Первая мужская гимназия, в которой преподавал Н. Г. Чернышевский (ныне административное здание, ул. Некрасова, 17; здание реконструировано)

лях было сыро и холодно. Главной достопримечательностью гимназической библиотеки, по словам бывшего ученика М. А. Воронова, являлся самовар, предназначавшийся для директора, а в физическом кабинете все приборы были в полной негодности. Среди учителей гимназии не было опытных, добросовестных наставников, но зато гимназия имела, как свидетельствует М. А. Воронов, «отличных картечных игроков, великолепных пьяниц, изящных кавалеров».

Николай Гаврилович начал вести занятия с апреля

1851 года. Саратовская гимназия считалась одной из лучших в Казанском учебном округе, и тем не менее она произвела на молодого учителя удручающее впечатление. В письме от 28 мая 1851 года он пишет товарищу по университету М. Л. Михайлову: «В Саратове я нашел еще большую глушь, чем нашли Вы в Нижнем... Воспитанники в гимназии есть довольно развитые. Я по мере сил тоже буду содействовать развитию тех, кто сам еще не дошел до того, чтобы походить на порядочного молодого человека. Учителя — смех и горе, если

смотреть на людей, все-таки потершихся в университете, — или позабыли все, кроме школьных своих тетрадок, или никогда не имели понятий ни о чем. Разве один есть сколько-нибудь развитой из них... Директор — страшный реакционер, обскурантист и абсолютист. Впрочем — и это-то хуже всего — кое-что читал и не совсем малоумен, как обыкновенно бывают директоры»²⁷.

Первые же уроки Н. Г. Чернышевского поразили гимназистов новизной и необычайностью. Молодой учитель не требовал от своих воспитанников зазубривания непонятных учебников, но советовал читать больше книг, приносил на уроки сочинения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, учили гимназистов критически разбирать их. При чтении Н. Г. Чернышевский касался непременно и вопросов политики. Так, однажды, увлекшись рассказом о французской революции, он нарисовал план заседаний конвента, обрисовал партии, указал места, где члены каждой партии сидели.

В программу словесности входили так называемые «литературные беседы», во время которых гимназисты защищали написанные ими сочинения. Ученики Чернышевского, как отмечали рецензенты, отличались глубокими знаниями, умением мыслить и логически излагать материал, самостоятельностью суждений. Педагог-новатор воспитывал в своих юных слушателях идеалы добра, справедливости, гуманности, стремление к общественной деятельности, и, конечно, не случайно многие его ученики стали видными деятелями общественного движения 60—70-х годов.

С директором гимназии А. А. Мейером отношения не сложились сразу. Мейера раздражали антикрепостнические настроения молодого учителя, которые он не скрывал ни от учеников, ни от сослуживцев. Саратовский краевед и педагог Ф. В. Духовников писал, как однажды в порыве гнева директор восклик-

нул: «Какую свободу допускает у меня Чернышевский! Он говорил ученикам о вреде крепостного права. Это вольнодумство и вольтерьянство! В Камчатку упекут меня за него!»²⁸.

Среди множества воспоминаний, оставленных современниками о Чернышевском-педагоге, заслуживают особого внимания воспоминания братьев Ивана и Михаила Вороновых. Семья Вороновых была близка к семье Чернышевских. Дом тюремного смотрителя, а затем брандмейстера пожарной команды А. Воронова находился по соседству с усадьбой Чернышевских. Он стоял во дворе и был двухэтажный, деревянный, с каменным низом и небольшими окнами {дом не сохранился}.

Обстановка в доме Вороновых была тяжелая. Глава семьи, как позднее писал М. А. Воронов, «грубое, тяжелое обхождение с подчиненными перенес в семейство... Отсюда начинается требование полного подчинения от своей жены, грубое обращение с детьми, которых он судил по-военному». Лишь на Волге и в степи за городом, куда старались уходить братья, им было спокойно и они чувствовали себя счастливыми.

Братья Вороновы были учениками Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии. Сохранившиеся в Центральном государственном архиве ТАССР сочинения Ивана Воронова свидетельствуют о том, что «Чернышевским включались темы, связанные не только с историей и теорией литературы, но и с русской, а также всеобщей историей, причем от учеников требовались самостоятельные суждения по каждому вопросу»²⁹. Иван Воронов был среди лучших учеников. Михаил Воронов был связан с Н. Г. Чернышевским еще теснее. После окончания гимназии он учился сначала в Казани на медицинском факультете, затем перешел в Московский университет на юридический

факультет, не окончив который переехал в Петербург и начал сотрудничать в «Современнике». Он часто бывал на петербургской квартире Н. Г. Чернышевского.

В 1859—1860 годах М. А. Воронов работал личным секретарем у Н. Г. Чернышевского и писал под диктовку своего бывшего учителя его статьи для «Современника». Когда в 1861—1862 годах за вождем русской революционной демократии был учрежден усиленный полицейский надзор, Чернышевский, по агентурным донесениям, «велел допускать к нему ежедневно не всех». В числе допущенных был и Михаил Воронов.

«Оба эти Вороновы очень хорошие и умные люди», — отзывался о них писатель в письме к родным 14 апреля 1859 года.

Иван и Михаил Вороновы остались яркие воспоминания о Чернышевском — учителе Саратовской гимназии. «Это была свежая, молодая натура, полная сил и энергии, человек, обладавший огромными специальными и энциклопедическими знаниями... В то недолгое время, которое учитель пробыл в нашей гимназии, глубоко была потрясена им старая система воспитания... Все изменилось на время под благотворным влиянием этого умного, гуманного человека»³⁰.

Уезжая в 1851 году из Петербурга в Саратов, Н. Г. Чернышевский не намеревался долго оставаться в родном городе, поэтому на первых порах не стремился заводить знакомства.

Однако мемуарные источники говорят о другом. «Никогда он [Чернышевский] во всю свою жизнь не вел такой общественной жизни, как тогда, когда был учителем в Саратовской гимназии. Посещал Николай Гаврилович образованное семейство Ступиных, а также семейство председателя казенной палаты Кобылина, детям которого он давал уроки, бывал у совет-

ника казенной палаты А. Д. Горбунова, переводчика поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод»... Вообще, он часто появлялся в обществе и везде, несмотря на непреклонность, был желанным и дорогим гостем, благодаря своему уму и высокому и обширному образованию³¹.

В 1852—1853 годах Чернышевский по просьбе Кобылиных давал уроки их сыну Александру. Поэтому часто молодой учитель бывал на городской квартире Кобылиных. Глава семьи Николай Михайлович Кобылин занимал тогда должность председателя казенной палаты. Адрес Кобылиных до сих пор не был известен. Удалось установить, что председатели казенной палаты жили на квартире при самой палате, которая в те годы располагалась на Никольской улице в бывшем доме советника Соляного управления П. Иванова (в 1823 году дом был куплен казнью). Это был красивый трехэтажный особняк с выступающей ротондой и колоннами на фасаде. В конце прошлого века здание было перестроено для Государственного банка [ныне ул. Радищева, 21].

Александр Дмитриевич Горбунов, советник отделения питейного сбора казенной палаты, был образованным человеком. В 1830 году он побывал в Саратове с Центральной медицинской комиссией, приехавшей из Петербурга для борьбы с холерой. В 1843 году он переведется на службу в Саратовскую казенную палату, а в 1864 году становится начальником женской гимназии. Общение с А. Д. Горбуновым, судя по дневниковым записям, было приятно Н. Г. Чернышевскому.

В архивных делах о местожительстве Горбунова указано: каменный двухэтажный дом, в 1-й городовой части. Вероятно, тогдашним жителям города этого было достаточно, чтобы найти дом Горбунова. Труднее сделать это сейчас. Но в воспоминаниях помещика А. Н. Минха за 1853 год встретился схематично нарисован-

О. С. Чернышевская.
1860-е годы.

ный план Саратова. На Никольской улице, против Константиновской [ныне Советская] улицы отмечено— «Дом Горбунова». Дом А. Д. Горбунова сохранился до наших дней [ул. Радищева, 18].

У стряпчего Дмитрия Емельяновича Ступина Николай Гавrilович бывал часто и был дружен с его многочисленным семейством. Дом Ступиных находился против городского бульвара «Липки» рядом с домом, где жили Васильевы. В дневниковой записи Н. Г. Чернышевского сказано, что «дом Ступиных» стоял во дворе, в нескольких саженях от линии улицы. Во дворе у Ступиных был обширный сад. Усадьба этих знакомых Н. Г. Чернышевского не сохранилась. На ее месте позднее была проложена Соборная [ныне Коммунарная] улица.

Врачаясь в кругу молодежи, бывая на вечеринках, прогулках, Чернышевский познакомился с Ольгой Сократовной Васильевой, старшей дочерью известного саратовского врача Сократа Евгеньевича Васильева. Историю отношений со своей будущей женой Н. Г. Чернышевский излагает в «Дневнике моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье». Перед нами предстает образ человека чистого и честного, благородного в своей любви и непримиримого к окружающей действительности. Не одну бессонную ночь провел будущий революционер-демократ, решая вопрос — имеет ли он право связывать свою жизнь с другою: «У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость. У нас скоро будет бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем...»³². Своей невесте он признается, что говорит в классе «такие вещи, которые пахнут катаргою».

Знакомство Н. Г. Чернышевского и О. С. Васильевой произошло на вечеринке в семье брандмейстера

Василия Акимовича Акимова, дальнего родственника Чернышевских.

Каменный двухэтажный дом Акимова на Московской улице напротив семинарии сохранился до наших дней [пр. Ленина, 5].

Чернышевский услышал об Ольге Сократовне еще до личного знакомства. О ней говорили как о девушке смелой, искренней, как о «демократке». Он знал также, что ее домашние условия жизни тяжелые, мать не любила старшую дочь и тиранила ее. Это еще больше обострило интерес к будущей невесте. Встреча подтвердила разговоры о том, что Оленька обаятельна, чужда всякого жеманства.

Ставши женихом Ольги Сократовны, Н. Г. Чернышевский постоянно бывает у Васильевых в принадлежавшем купцу Ростовцеву доме на Армянской улице. Это был длинный одноэтажный флигель с выходящими на улицу одиннадцатью окнами, украшенными наличниками, в котором Сократ Евгеньевич снимал большую квартиру. С домом, где жили Васильевы, связаны многие факты личной биографии Н. Г. Чернышевского. Здесь произошло объяснение в любви, во время которого Николай Гаврилович честно предупредил свою невесту, что ее ждет трудное будущее жены революционера. «И она выслушала, — записал Чернышевский в «Дневнике», — ...и поняла мои речи в их истинном смысле... Она поняла, что я не ломаюсь, что я говорю искренно...».

29 апреля 1853 года состоялась их свадьба. Незадолго до свадьбы Н. Г. Чернышевский пишет записку, в которой по просьбе Анны Кирилловны — матери невесты — излагает свои взгляды на семейную жизнь, признавая за женщиной равные права с мужчиной. Судьба послала Чернышевским только девять лет счастливой семейной жизни. Двадцать один год крепости, каторги и шесть лет поднадзорной ссылки ста-

ли их общим уделом. Ольга Сократовна ездила к мужу в далекую Сибирь, воспитывала в детях уважение к отцу, как могла скрашивала безрадостную жизнь революционера-демократа, навсегда заслужив его уважение и признательность.

Дом, где жили Васильевы, не сохранился. На его месте в 1940 году выстроен жилой дом [ул. Волжская, 34].

Среди саратовских знакомых Чернышевского был Николай Иванович Костомаров — известный историк, профессор Киевского университета, сосланный в 1848 году в Саратов под надзор полиции после года заключения в крепости по делу тайного политического Кирилло-Мефодиевского общества, существовавшего в Киеве в 1845—1847 годах. Одним из организаторов общества был Костомаров.

В Саратове Н. И. Костомаров прожил до сентября 1859 года. В «Автобиографии Н. И. Костомарова» имеются некоторые подробности знакомства опального историка с Н. Г. Чернышевским. «Судьба поставила меня с ним [Чернышевским] в самые близкие, дружественные отношения, несмотря на то, что в своих убеждениях я с ним не только не сходился, но был в постоянных противоречиях и спорах... Чернышевский был человек чрезвычайно даровитый, обладавший в высшей степени способностью производить обаяние и привлекать к себе простотою, видимым добродушием, скромностью, разнообразными познаниями и чрезвычайным остроумием. Он... был энергичен до фанатизма, верен своим убеждениям во всей жизни и в своих поступках и стал ярым апостолом безбожия, материализма и ненависти ко всякой власти»⁵³. Комментируя «Автобиографию Н. И. Костомарова», Чернышевский много лет спустя вспоминал обстоятельства знакомства, состоявшегося в доме Костомарова весной 1851 года.

Николай Иванович жил в маленьком деревянном домике с шатровой крышей на углу улиц Ильинской и Константиновской [ныне улицы Чапаева и Советская; дом не сохранился]. Три небольших окошка со ставнями выходили на улицу. Огромная одинокая ветла широко раскинулась над домом, закрывая его летом густою листвою. Все это напоминало Н. И. Костомарову родную Украину, вероятно поэтому он и снял у Н. Д. Прудентова, архивариуса духовной консистории, этот дом с небольшими четырьмя комнатами. В домике на Ильинской улице Н. Г. Чернышевский, видимо, бывал часто. Они играли в шахматы, вели беседы, читали, много спорили, однако близко с Костомаровым Чернышевский не сошелся вследствие разницы в политических взглядах. Годы и вовсе развели их. В 1853 году Н. И. Костомаров вместе со своей матерью Татьяной Петровной, близко знавшей семью Чернышевских, переехал в другой дом Прудентова на Крапивной улице [ул. Шевченко, 36]. Документальных свидетельств о посещении Н. Г. Чернышевским этой квартиры Костомарова не имеется.

Неподалеку от дома Костомарова, на углу Мирного переулка и Сennовско-Вознесенской площади [ныне площадь Кирова] находилась усадьба помещицы Залетаевой *. Современники рассказывают, что это был «чисто барский двор, обставленный двумя белыми домами на улицу, и в глубине застроенный конюшнями,

* Существующие в литературе сведения, что П. И. Залетаева—урожденная Юнгер, неверны. Прасковья Ивановна — дочь майора И. М. Яковлева. Ее муж Никанор Петрович Залетаев имел в Саратове деревянный дом и в с. Юнкеровка под Саратовом имение, доставшееся ему по завещанию от родственника Юнгера. Его жена П. И. Залетаева никаких владений не имела и только после смерти мужа Н. П. Залетаева в 1850 году стала владелицей дома и имения.

сарайми, девичими. В самом углу... прижался приземистый, низенький и старенький флигелек, в котором жила Прасковья Ивановна Залетаева». Ее дочь Анна Никаноровна Пасхалова проживала в большом доме, выходящем на улицу (дом не сохранился). Здесь построен жилой дом (Мирный переулок, 8)**. Н. Г. Чернышевский бывал у А. Н. Пасхаловой. В его «Дневнике» можно встретить такие записи: «...был у Залетаевых» или: «Вчера вечером был у Анны Никаноровны, которая приняла меня по-прежнему».

Анна Никаноровна Пасхалова-Мордовцева была поэтессой и собирательницей народных песен. Будучи образованной, знающей несколько языков, она тянулась к науке, к общественной жизни. Н. И. Костомаров писал о ней как о «женщине неглупой и крайне увлекающейся» и «находил большое удовольствие в ее обществе». Писатель Д. Л. Мордовцев тоже характеризовал Пасхалову как «очень умную, образованную и талантливую». Н. Г. Чернышевский симпатизировал Анне Никаноровне Пасхаловой, женщине, бросившей вызов морали провинциального общества. Николай Гаврилович подолгу беседовал с ней о положении женщин в современном обществе, уверяя, что наступят времена, когда «будет не так». «Да будут ли эти времена! — «Будут», сказал я, и слезы выступили у

** Н. М. Чернышевская со слов Е. Н. Пыпиной считала, что дом № 178 по улице Чернышевской принадлежал Залетаевой и поэтому здесь жила А. Н. Пасхалова. Принадлежность в дореволюционные годы этого дома П. И. Залетаевой и жительство здесь А. Н. Пасхаловой документально не подтверждается. Из формулярного дела Д. Л. Мордовцева от 15 октября 1872 года видно, что никакой собственности «ни у него самого, ни у его жены нет». Этот дом принадлежал его брату И. Л. Мордовцеву, от которого перешел к его дочери, в замужестве Калединой.

меня от радостной мысли о том, что будет некогда на земле»³⁴.

Кроме Костомарова и Пасхаловой Н. Г. Чернышевский посещал и других представителей передовой саратовской интеллигенции: известного врача С. Ф. Стефани, семьи саратовского уездного судьи Д. Я. Чеснокова и губернского казначея казенной палаты Г. М. Шапошникова, землемера М. Патрикеева, учителя гимназии Е. А. Белова.

Доктор медицины Святослав Федорович Стефани в Саратове занимал должность губернского врача палаты государственных имуществ, а в 1856 году был приглашен и на должность врача Мариинского института благородных девиц. По инициативе С. Ф. Стефани 1 декабря 1860 года было открыто саратовское общество врачей «Беседа», ставившего своей задачей научно-просветительские цели.

Николай Гаврилович Чернышевский был знаком со С. Ф. Стефани, о котором говорил, что он «человек решительно порядочный». Как и Н. Г. Чернышевский, С. Ф. Стефани бывал у учителя гимназии Е. А. Белова на его так называемых «вторниках».

В начале 50-х годов С. Ф. Стефани жил на Немецкой улице [ныне пр. Кирова], куда к нему заходил Н. Г. Чернышевский. О своем первом визите к Святославу Федоровичу он писал: «Пошел по Немецкой улице, гораздо дальше, чем дом Полякова, и искал его не на той стороне, наконец нашел»³⁵. Более точный адрес неизвестен.

С детьми губернского казначея казенной палаты Гаврилы Михайловича Шапошникова Н. Г. Чернышевский был знаком с детства. Шапошниковы жили рядом с Чернышевскими, — в деревянном доме во второй городовой части, первом квартале. К сожалению, этот адрес, понятный современникам Николая Гавриловича, тоже не определен.

Шапошниковы — типичная семья интеллигента того времени. Сам Гаврила Михайлович окончил Казанский университет и получил степень кандидата словесных наук. До перевода в 1831 году в Саратов в казенную палату он почти десять лет служил старшим учителем географии и истории, а затем словесности в учебных заведениях Оренбурга и Пензы.

Часто Николай Гавrilович бывал в доме саратовского уездного судьи Дмитрия Яковлевича Чеснокова, находившемся на Большой Сергиевской улице, где-то по соседству с Чернышевскими. Еще в детские годы маленький Николай играл с его сыновьями. Будучи учителем гимназии, Николай Гавrilович часто посещал Чесноковых и даже ездил в село Пристанное, где у них был большой яблоневый сад.

До последнего времени считалось, что губернский землемер М. Патрикей живил в доме на углу Бабушкиного взвоза и Сергиевской улиц [ныне ул. Чернышевского, 169]. Документально это не подтверждается: названный дом был построен только в 50-х годах прошлого столетия. Кроме того, у Чернышевского в его «Дневниках» говорится, что когда они ехали от Акимова, то проезжали мимо Патрикейевых. Следовательно, патрикейский дом мог быть между усадьбой Чернышевских и Московской улицей [ныне пр. Ленина].

12 августа 1855 года Н. И. Костомаров пишет Н. В. Калачеву, что 25 июля 1855 года «было два пожара один за другим: второй истребил 160 номеров домов, начиная от угла между Московскою и Сергиевскою улицей до гимназии и до дома Патрикеева на Сергиевской»¹¹. Об этом пожаре писала тогда же А. Е. Пыпина к сыну А. Н. Пыпину: пожар, «бывши против нас, целые три недели дымился, несмотря на два проливных дождя». Можно предположить, что М. Патрикей жил через дорогу от Чернышевских, в соседнем квартале, между Гимназической и Приют-

Дом, где жил
губернатор Кожевников.
Здесь
Н. Г. Чернышевский
встретился
с декабристом
А. П. Беляевым
(ныне жилой дом, ул.
Чернышевского, 146).

ской улицами [ныне ул. Некрасова и Комсомольская]. Старые дома в этом квартале не сохранились. На их месте высится многоэтажный жилой дом [ул. Чернышевского, 183].

Николай Гаврилович упоминает о посещении Патрикеевых. Бывала здесь у своей подруги Екатерины, дочери М. Патрикеева, и Ольга Сократовна.

Н. Г. Чернышевский вынужден был наносить также визиты лицам официальным: преосвященному Афанасию, губернатору Кожевникову и другим.

Красивый двухэтажный особняк, в стиле ренессанс с элементами готики и когда-то богато украшенный лепкой и парадным входом с портиком, выходящим на улицу, известен краеведам ныне как «дом Кожевникова» [ул. Чернышевского, 146], хотя М. Л. Кожевникову он не принадлежал. Губернатор снимал этот особняк с многочисленными службами во дворе. М. Л. Кожевников познакомился с Чернышевским, когда тот был еще студентом. В «Воспоминаниях» декабриста А. П. Беляева имеется запись, что «у него [Ко-

жевникова] за обедом видел Н. Г. Чернышевского, сына саратовского протокеря, тогда еще студента и неизвестного, а впоследствии получившего такую известность своими сочинениями»¹⁷. Кожевников был, по словам Чернышевского, «человек образованный, честный, премилый и симпатичный». Стоя по своему образованию выше саратовского общества, он просил Николая Гавриловича бывать у него запросто, но последний тяготился обществом, собиравшимся у губернатора, и старался избегать приглашений.

В «Дневнике» Н. Г. Чернышевского не однажды упоминается о посещении им Дворянского собрания. Построенное в первой четверти XIX века трехэтажное здание Дворянского собрания было изящно-строгим. Главный фасад, выходивший на Московскую улицу, в центральной части на все три этажа был украшен пиластрами, а на третьем этаже — одиннадцатью фигурыми барельефами. Здесь был единственный в Саратове колонный зал. К сожалению, здание Дворянского собрания не сохранилось, на его месте построено девятиэтажное здание управления Главсредводговодства [пр. Ленина, 55].

В Дворянском собрании Н. Г. Чернышевский встречался с Ольгой Сократовной. «Вчера, в четверг, в Собрании был назначен концерт любителей, — писал Чернышевский в январе 1853 года. — Играли увертюру из «Фрейшица» и «Вильгельма Телля». Для последней решился я быть там... «Вильгельм Телль» приводит меня в восторженное состояние»¹⁸.

Летом 1859 года состоялось знакомство Н. Г. Чернышевского с управляющим Саратовской удельной конторой Николаем Александровичем Мордвиновым — видным деятелем общественного движения в России 40—70-х годов XIX века. Он активно сотрудничал с А. И. Герценом и был корреспондентом «Колокола».

Н. А. Мордвинов жил в двухэтажном каменном

доме с балконом, фасад которого выходил на Армянскую улицу. Дом не сохранился. Ныне здесь высится многоэтажное здание Дома печати (ул. Волжская, 28).

Можно предположить, что Н. Г. Чернышевский встречался с Мордвиновым не только на «беловских вторниках», но и бывал у него на квартире. В статье «Суеверие и правила логики» он отзывается об управляемом Саратовской удельной конторой, как о человеке «...безукоризненной честности и большого ума».

С учителем гимназии Евгением Александровичем Беловым Чернышевский был особенно близок. Белов был типичным представителем либеральной интеллигенции. Ему принадлежит несколько исторических работ, из которых наиболее интересны «Разбор сочинения «Московские смуты в конце XVII в.» и «Об историческом значении русского боярства конца XVII в.» В Саратовской гимназии Белов преподавал географию [1852—1861 гг.], а в 1859—1864 годах был учителем истории и инспектором классов в Мариинском институте благородных девиц.

По свидетельству краеведа П. Юдина, «каждый вторник приятели собирались у Е. А. Белова... Собрания эти нельзя было назвать строго литературными. Самы участники кружка именовали их «говорильнями», потому что тут говорилось обо всем и без конца. Все интересное в области литературы, искусства, философии, педагогики, прочих наук, а также жгучие современные вопросы всесторонне освещались и дебатировались. Каждая свежая книжка «Отечественных записок» разбиралась положительно по косточкам. В числе самых интересных и заядлых ораторов были Костомаров и Чернышевский»³⁹ [Адрес Белова неизвестен.]

В этих «вторниках» [беловском кружке] кроме Н. И. Костомарова и Н. Г. Чернышевского в разные годы

принимали участие управляющий удельной конторой Н. А. Мордвинов, писатель Д. Л. Мордовцев и его жена А. Н. Пасхалова-Мордовцева, врач С. Ф. Стефани, учитель гимназии В. Г. Варенцов, заглядывал председатель казенной палаты И. А. Ган и другие. Одну зиму посещал кружок бывший ученик Чернышевского в гимназии А. П. Ровинский, принимавший участие в работе Редакционной комиссии по подготовке проекта крестьянской реформы 1861 года.

Эти собрания носили либерально-демократическое для того времени направление, однако члены беловского кружка не выходили на путь политических выступлений, ограничивались оппозиционными разговорами в своей среде.

Когда в 1861 году Н. Г. Чернышевский навестил родной город, он побывал в Мариинском институте благородных девиц, чтобы увидеть свою двоюродную сестру Екатерину Пыпину. Институт был открыт в 1854 году. Три года спустя он разместился на окраине города в специально построенном на месте загородной дачи и сада губернатора А. Д. Панчулидзева большом здании в стиле вырождающегося классицизма (ныне клуб железнодорожников, ул. 2-я Садовая, 23). Екатерина Николаевна вспоминала впоследствии, что Николай Гаврилович расспрашивал об учителях, «особенно про Белова».

В письмах Чернышевского из Петербурга имя Белова встречается неоднократно. Так, 14 января 1858 года он пишет родным: «В пятницу уехал домой Е. А. Белов. Он хотел быть у Вас по приезде». В письме к И. И. Панаеву читаем: «Я попросил бы Вас послать за 6-ой том «Истор. библ.», который скоро выйдет, 100 р. сер. в Саратов, Евгению Александровичу Белову...». Длительное общение с Чернышевским оказало положительное влияние на формирование научных интересов и демократических взглядов Белова. В 1864 году

Евгений Александрович уехал из Саратова в Петербург, где преподавал в Александровском лицее.

Е. А. Белов был привлечен к допросу по делу Чернышевского. «Очень бурные объяснения» с управляющим III отделением графом Шуваловым едва не закончились отстранением историка от занимаемых им должностей. Его реабилитировали только после вторичного ознакомления с материалами процесса Чернышевского.

Воспоминания, которые оставил Е. А. Белов, являются ценным мемуарным источником для выяснения политических, философских, литературных взглядов Чернышевского.

«...РАБОТАТЬ С УТРА ДО НОЧИ»

Дом Никольского. — Редакция газеты «Саратовский листок». — Радищевский музей. — Гостиница «Татарская». — Главный почтamt.

Живя в Петербурге, Николай Гаврилович не прерывал связи с родным городом. Александр Николаевич Пыпин вспоминал, как по воскресеньям на петербургской квартире Чернышевского собирались бывшие его ученики по Саратовской гимназии, вели беседы, во время которых «раскрывалась перед ними именно новейшая судьба литературы, переходившая ее настоящее».

В письме от 3 июля 1855 года он написал из Петербурга родным: «...как и всегда, как и каждый час я буду мыслями в Саратове, которого, можно сказать, никогда не оставляли они — разве только в минуты сна без сновидений»⁴⁰.

Из далекой Сибири он посыпает приветы родному городу, «Волге юга».

Двадцать семь лет провел Н. Г. Чернышевский в ссылках. В июне 1889 года он возвращался на родину по Волге на пароходе из Астрахани. В этот год Волга у Саратова сильно обмелела. Через реку повыше Гимназического взвоза (ныне начало ул. Некрасова) с саратовского берега были сделаны мостики для прохода на ближние пески. Пристань пароходных обществ «Кавказ и Меркурий», «Самолет» и других из-за мелководья были переведены под Провиантский взвоз (ныне ул. Гагана). Н. Г. Чернышевский не узнавал Волгу. Трудно было после столь длительного отсутствия узнать и родной город.

Саратов превратился к этому времени в крупный торгово-промышленный центр. По берегу Волги шел целый ряд паровых мукомольных мельниц. Переработка сельскохозяйственного сырья, в основном производство муки и растительного масла, имела большое значение для экономики города. Появились и металлообрабатывающие предприятия.

Проведение к Саратову линии железной дороги, его связь с Москвой, Петербургом и многими районами России послужили толчком к еще более бурному развитию торговли и промышленности.

С развитием капитализма в городе рос и рабочий класс, в недрах которого возникло и развивалось революционное движение.

К 80-м годам прошлого столетия территория города значительно выросла. Главной улицей стала Немецкая [ныне пр. Кирова]. Если в центральной части города улицы были замощены, освещались ночью фонарями, то окраины оставались неблагоустроенным застраивались небольшими избушками и лачугами, где ютились ремесленники, рабочий люд фабрик и заводов.

К этому времени в городе было уже несколько гимназий, начальных учебных заведений, было открыто Александровское ремесленное училище. Издавалось несколько газет. В новом каменном здании Городского театра ставились оперные и драматические спектакли. Рядом с театром в специально отстроенном здании открылся Радищевский музей — первая провинциальная картинная галерея.

Но учебные заведения, культурные учреждения были доступны только зажиточным слоям населения. Остальная масса народа была безграмотной.

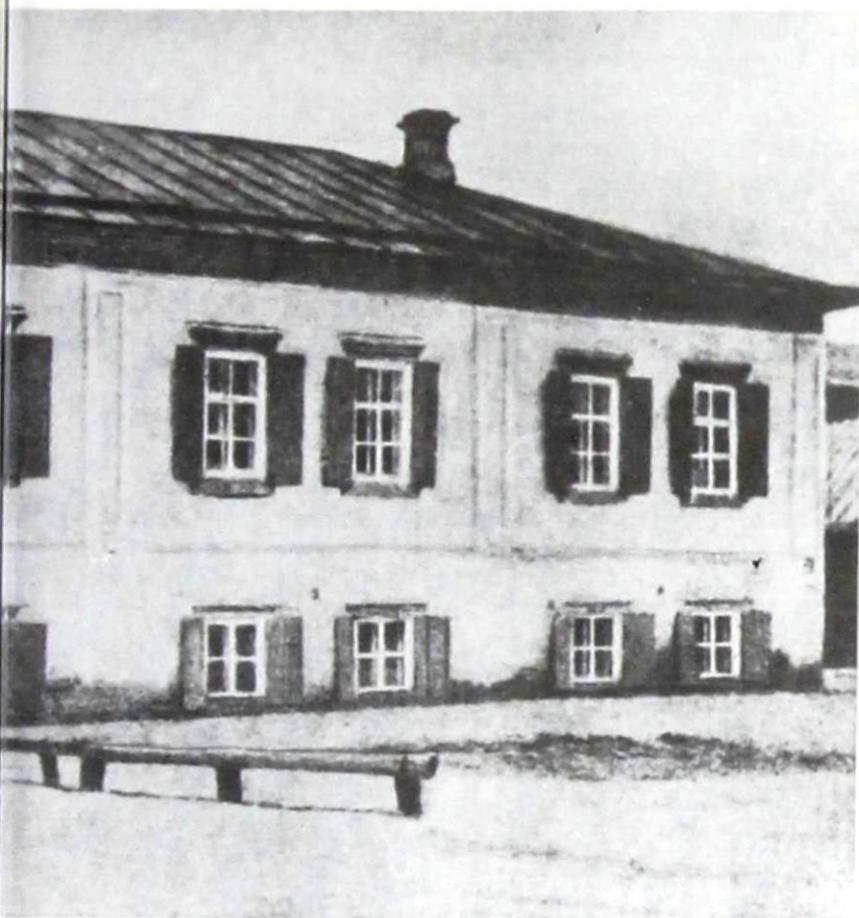
В деревнях и селах Саратовской губернии, несмотря на «освобождение» крестьян, царили крепостнические порядки. Тяжелое, бесправное положение вызы-

Дом А. М. Никольского,
в котором
Н. Г. Чернышевский
проводил последние
месяцы жизни (здания
не существует,
ул. Коммунарная, 22).

вало волнения и выступления крестьянства против своих угнетателей.

По возвращении Николая Гавриловича в родной город его родовой дом на Большой Сергиевской улице оказался занятым жильцами, поэтому Чернышевские сняли квартиру в доме почтового чиновника А. М. Никольского. Здесь Николай Гаврилович провел последние месяцы жизни. Ныне этого дома не существует. На его месте находится здание областной больницы (ул. Коммунарная, 22), и на нем — мемориальная доска.

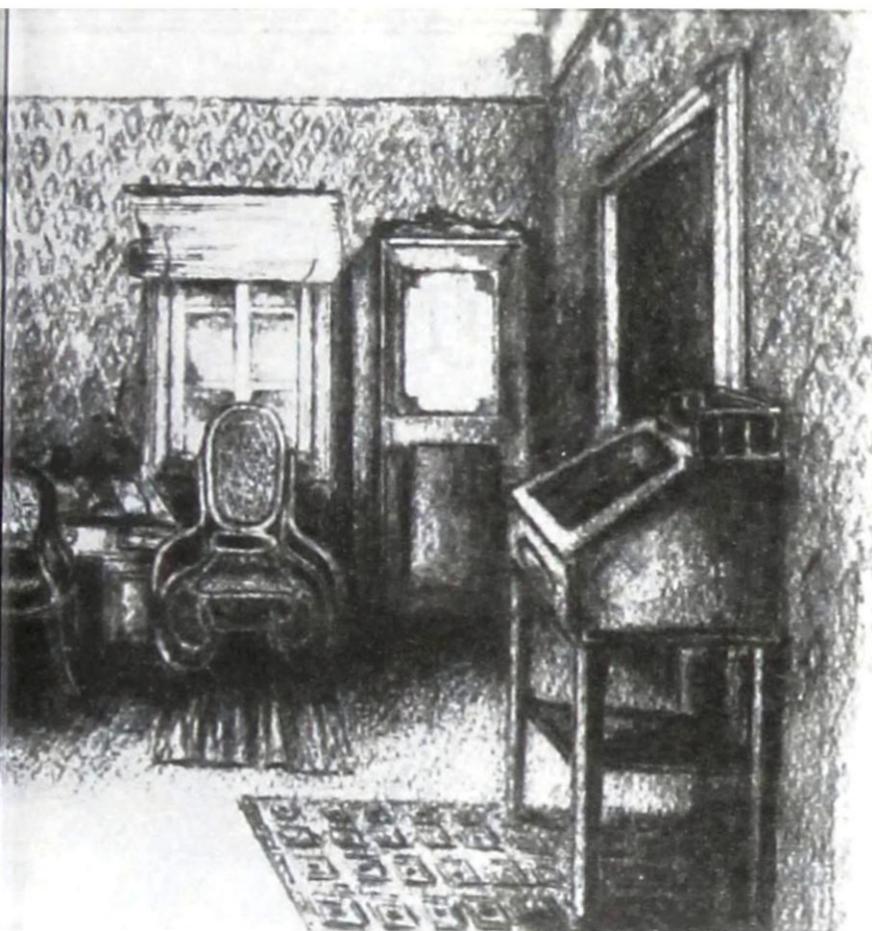
Хлопотами по найму квартиры занималась Ольга Сократовна. В письме из Астрахани Чернышевский советует ей нанять в Саратове квартиру с конюшней. «...Там есть несколько порядочных библиотек... в этих библиотеках мне придется бывать беспрестанно — на две минуты, на пять минут, но каждый день в двух, в трех, пожалуй, и четырех... иметь лошадь — моя деловая надобность»⁴¹. Николай Гаврилович остался доволен выбором жены. Дом, где Чернышевские снимали второй этаж, стоял в глубине двора с густой травой и не-

Кабинет
Н. Г. Чернышевского
в доме Никольского. С
рисунка М. Каницева.
Начало 1900-х годов.

большим садиком. Высокий забор отделял его от улицы. Все хозяйствственные постройки находились в конце двора. Здесь, вдали от уличного шума, Н. Г. Чернышевский мог спокойно работать.

«Мне показалось, — писал навестивший Чернышевского в начале августа артист И. Липаев, — что его кабинет и он сам — нечто целое и неразрывное... Книги были разложены по полкам — от хрупкого донизу. На стульях, на подоконниках, на письменном столе — все книги и книги. Получалось впечатление, будто вы очутились в

библиотеке. На столе, кроме того, лежали подписаные листы каких-то сочинений, корректурные гранки»⁴².

В тишине кабинета вынашивал Чернышевский планы новых обширных трудов. Словно сознавая, что отпущено ему немного, он постоянно сетовал на недостаток времени. Видимо, стремлением успеть как можно больше и объясняется тот факт, что на дверях квартиры Чернышевского часто появлялось объявление: «Никого не принимают».

«Липки», «Аллея
радикалов».

Усадьба Никольского выходила на Городской бульвар, известный саратовцам под названием сад «Липки». В то время он занимал меньшую площадь, чем сейчас, полукольцом охватывая стоящий в центре Соборной площади Александро-Невский собор. Сад был обнесен деревянной решетчатой изгородью, внутри которой находились цветники, липовые аллеи. Николай Гаврилович часто отдыхал в «Липках», здесь у него была любимая липовая аллея, получившая впоследствии название «Аллея радикалов».

Сразу же по приезде в Саратов Чернышевский попытался установить связи с местными органами печати. Когда редакция «Саратовского листка», издателем которого был бывший политический ссыльный И. П. Горизонтов, предложила ему сотрудничество, он согласился, заявив, что будет писать о «саратовской старине». Однако для газетной статьи он выбрал тему, связанную с современностью. Сохранилось только начало статьи «Мысли о будущности Саратова», но и оно дает представление о том, что же интересовало автора. Черны-

Редакция газеты
«Саратовский листок»
(ныне жилой дом,
пр. Кирова, 13;
здание перестроено).

шевский дал научное объяснение явлению обмеления реки, связав его с экономикой Саратова.

Редакция «Саратовского листка» располагалась в нескольких комнатах на втором этаже небольшого дома Онезорге на Немецкой улице [ныне пр. Кирова, 13].

* В 1935 году дом Онезорге (пр. Кирова, 13, магазин «Молоко») и соседний дом Полякова (пр. Кирова, 11, магазин «Чай») были надстроены и соединены в одно здание по проекту архитекторов Жуковского и Куриянова.

Н. Г. Чернышевский живо интересовался жизнью родного города, в разговорах проявлял удивительную осведомленность в вопросах современной жизни. Больше всего его интересовали новые учреждения: земство, суды. Несколько раз заходил Чернышевский в окружной суд, огромное по тому времени трехэтажное здание на Московской улице [ныне школа-интернат № 3, пр. Ленина, 64]. Однажды, ожидая присяжного поверенного А. А. Токарского, он стал беседовать с находившимися у здания суда крестьянами,

Художественный музей
имени А. Н. Радищева.

расспрашивать их о положении сельскохозяйственных рабочих. Особенно внимательно относился он ко всяkim проявлениям недовольства крестьян условиями жизни, труда. Стачки сельскохозяйственных рабочих были обычным явлением в Саратовской области. В Саратовском окружном суде в те годы слушалось много дел, свидетельствовавших о непосильной и безрезуль-татной борьбе крестьян за землю. Побывав на сель-скохозяйственной выставке [ныне застроенная терри-тория на углу ул. М. Горького и Мичурина], Черны-

шевский воочию убедился, что машины для обработки полей дорогостоящие, и кулакам выгоднее использовать дешевые рабочие руки, нежели приобретать иностранные машины.

Кроме названных в Саратове сохранились и другие здания, связанные с памятью Чернышевского. Это Художественный музей имени А. Н. Радищева (ул. Радищева, 39), где во времена Чернышевского в трех комнатах ютилась городская публичная библиотека. Николай Гаврилович брал здесь необходимые для работы книги, справочники.

На Сергиевской улице, в двух кварталах от дома Чернышевских, в угловом двухэтажном каменном здании находился главный почтamt. [Здание надстроено. Ныне 2-е отделение связи, ул. Чернышевского, 197.] Почта была здесь и в годы молодости Чернышевского. Так, 8 марта 1853 года молодой педагог Саратовской гимназии отметил в своем «Дневнике»: «...взял с почты «Копперфильда» Введенского [историк литературы, переводчик. — Ред.], которого прислал он мне в подарок...»

Отсюда, с главного почтамта, Н. Г. Чернышевский отправлял свои рукописи и в последние месяцы жизни. На почту, несмотря на свое незддоровье, он ежедневно ходил сам. Саратовский журналист и редактор «Саратовского дневника» Н. Ф. Хованский, оставивший интересные воспоминания о последних годах жизни Н. Г. Чернышевского, писал: «Почти ежедневно он ходил мимо моей квартиры на почту, чтобы отправлять в Москву или прочитанную корректору историю Вебера, или дальнейший перевод. Ходил быстро, вечно попыхивая папиросой»⁴³. Николай Федорович Хованский жил в бывшем доме двоюродного деда Чернышевского Ф. С. Вязовского на Армянской улице [дом не сохранился, сейчас здесь жилой дом, ул. Волжская, 5, 9]. Николай Гаврилович заходил в этот дом побесе-

Главный почтамт
(ныне 2-е отделение
связи,
ул. Чернышевского, 197;
здание надстроено).

довать с хозяином о саратовской старине и был разговорчив, много смеялся, рассказывая о прошлых купеческих нравах Саратова.

В последние месяцы жизни Н. Г. Чернышевский как бы заново знакомился с родным городом; бывал в доме, где родился и вырос, заходил во двор дома где прежде жили Васильевы, гулял в городском саду [бывш. Сервье, ныне сквер при драматическом театре им. Карла Маркса], любил бывать в горной части Саратова, где жил бедный люд.

В горной части писатель посещал своего родственника, бывшего учителя духовной семинарии Ивана Николаевича Виноградова, с которым у него были самые дружеские отношения. Иван Николаевич жил в маленькой избушке, в которой находилась и кухонная печь. В комнате всегда было жарко, так как хозяин страдал болезнью ног. Но, несмотря на это, Николай Гаврилович подолгу беседовал с ним, особенно слушал рассказы И. Н. Виноградова о старине и старом Саратове.

Довольно часто Н. Г. Чернышевский заходил за по-

купками в писчебумажный магазин П. Г. Бестужева в Архиерейском корпусе на Никольской улице [ныне правая часть помещения магазина «Кулинария», ул. Радищева, 24]. Обслуживал его приказчик А. Е. Федин — отец известного советского писателя К. А. Федина. Однажды Н. Г. Чернышевский попросил прислать купленную бумагу на дом, и А. Е. Федин отнес ее сам. Его удивила скромность, в которой жил писатель.

Александр Ерофеевич Федин вспоминал о своих коротких встречах с Николаем Гавриловичем, как о важном событии в его жизни, и о знакомстве с ним говорил с большой гордостью.

Бывал Н. Г. Чернышевский и в сохранившемся до наших дней доме В. Д. Вакурова [ул. Коммунарная, 25]. Он беседовал с владельцем дома Василием Дмитриевичем — сыном первого саратовского книготорговца, лавку которого Николай Гаврилович посещал в юности.

В Саратове Н. Г. Чернышевский вел интенсивную переписку, встречался со многими литераторами.

В июне 1889 года в городе побывал поэт-самородок Николай Андреевич Панов. В своих стихах он говорил о думах, надеждах и чаяниях бедного люда, к которому принадлежал и сам, живя в бедности, перенося лишения и страдания. Н. А. Панов писал большую монографию о Некрасове, к сожалению, не доведенную до конца. Видимо, Н. Г. Чернышевский интересовал его как человек, лично знавший великого поэта России. Позднее Панов вспоминал: «Было чудное... утро, когда мы сидели с Николаем Гавриловичем за чайным столиком, близ ресторана в Барыкинском саду, на самом берегу Волги. В воздухе, напоенном запахом сирени, щебетали птицы; одна из них неподалеку от нас в кустах боярышника так весело щебетала, что собеседник, сняв шляпу, долго с поднятою высоко головою, добродушно улыбаясь, искал взором щебетунью»¹⁴.

В разговоре Николай Гаврилович высказал свое отношение к поэзии Плещеева, Надсона и особенно Некрасова, о котором он говорил с чувством любви как к поэту и человеку.

Барыкинский сад, а точнее, «Приволжский вокзал», где происходила встреча, находился на Бабушкином взвозе у Волги [на этом месте построен жилой дом [Набережная Космонавтов, 1а]. Это было деревянное здание ресторана, с террасами в сторону Волги и хорошей сценой, на которой выступали музыканты и артисты. Заведение было основано Барыкиным, и, по традиции, ресторан долго назывался его именем, несмотря на то что владельцы его часто менялись; в 1889 году «Приволжский вокзал» не принадлежал Барыкину.

В середине июля 1889 года в Саратов приезжал известный поэт Яков Петрович Полонский. По свидетельству журналиста И. П. Горизонтова, «цель пребывания здесь поэта заключалась в желании его после долгих лет свидеться с... Н. Г. Чернышевским». Встреча произошла в гостинице «Центральная», находившейся в большом трехэтажном доме купца Очакина на Александровской улице [ныне жилой дом на ул. М. Горького, 35]. Разговор шел о литературных новостях Петербурга. В целом Чернышевский относился отрицательно к поэзии Полонского, воззирая, примыкавшего то к одному, то к другому общественно-литературному направлению. Вместе с тем критик не мог не отметить тонкого поэтического дарования Я. П. Полонского.

К числу наиболее знамятельных литературных встреч относится свидание Н. Г. Чернышевского с В. Г. Королово. Писатели были знакомы засим через брата В. Г. Королово, который выполнял для Чернышевского работу во временному указателе к переводу всеобщей истории Г. Вебера.

Гостиница «Татарская»,
где состоялась встреча
Н. Г. Чернышевского
с В. Г. Короленко
(фото 1903 года).

Владимир Галактионович Короленко побывал в Саратове в августе 1889 года. Он остановился в гостинице «Татарская» Таканаева. Гостиница занимала два верхних этажа большого дома Кузнецова на Царицынской улице [ныне здание горсовета, ул. Первомайская, 78]. Здесь и произошла первая встреча писателей. Воспоминания, оставленные В. Г. Короленко, носят несколько субъективный характер, но он очень тонко и проницательно отметил в Чернышевском поразительное умение владеть собой, его выдержанность, даже замкну-

тость в общении с малознакомыми людьми. В оживленной беседе писатели касались творчества Г. И. Успенского, Л. Н. Толстого, Н. К. Михайловского. «Его разговор обнаруживал прежний ум, прежнюю диалектику, прежнее остроумие... Он остался по-прежнему крайним рационалистом по приемам мысли, экономистом по ее основаниям», — пишет В. Г. Короленко⁴⁵.

Побывал В. Г. Короленко и на квартире Н. Г. Чернышевского в доме Никольского. Короленко подарил Чернышевскому свою книгу «Слепой музыкант» с над-

Здание горсовета
(бывшая гостиница
«Татарская», ул.
Первомайская, 78).

письмо: «Николаю Гавриловичу Чернышевскому от глубоко уважающего В. Короленко». Этот подарок хранится в Доме-музее Н. Г. Чернышевского.

Свидание носило задушевный характер. «Не думал я, обнимая его на прощание, — писал В. Г. Короленко П. С. Ивановской, — что вижусь с ним в последний раз»⁴⁶.

17(29) октября 1889 года Н. Г. Чернышевского не стало. Печатать статьи о его смерти было запрещено, лишь в некоторых газетах появились краткие некроло-

ги. Однако весть о смерти великого писателя и демократа быстро разнеслась по России. Похороны его превратились в многолюдную демонстрацию.

«Я ХОРОШО СЛУЖИЛ СВОЕЙ РОДИНЕ...»

Памятник-арка на могиле Н. Г. Чернышевского. — Памятник Н. Г. Чернышевскому на площади его имени. — Названы именем великого демократа.

Н. Г. Чернышевский похоронен в Саратове на Воскресенском кладбище в одном склепе с отцом и матерью. На его могиле летом 1891 года был установлен надгробный памятник-часовня [автор Ф. Г. Беренштам], находящийся ныне на усадьбе Дома-музея. Средства на памятник были собраны по нелегальной подписке среди друзей и близких покойного. В 1939 году на могиле Чернышевского сооружен монументальный памятник-арка по проекту скульптора П. Ф. Дундука и архитектора М. В. Крестина. Внутри арки на белой надгробной плите выбиты слова: «Я хорошо служил своей Родине и имею право на признательность ее».

Первый памятник великому революционеру-демократу на его родине был открыт в первую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Совет Народных Комиссаров 12 апреля 1918 года принял Декрет о памятниках Республики, в котором говорилось, что «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц». Взамен предлагалось установить новые памятники. Позднее был утвержден список памятников великим людям, среди которых было имя Н. Г. Чернышевского.

Во исполнение Декрета Совнаркома исполнкомом Саратовского Совета выносит постановление о снятии в Саратове памятника Александру II и сооружении на

Первый надгробный памятник,
установленный на могиле
Н. Г. Чернышевского.

Памятник-арка на могиле
Н. Г. Чернышевского на
Воскресенском кладбище,
сооруженный в 1939 году.

его месте памятника Чернышевскому — борцу за свободу.

7 ноября 1918 года на Новособорной [ныне им. Чернышевского] площади при огромном стечении народа был открыт памятник великому демократу. Памятник представлял собой установленный на гранитном пьедестале бюст Н. Г. Чернышевского, выполненный саратовским скульптором П. Ф. Дундуком, который стремился показать знатного земляка как великого философа, носителя высоких революционных

идей. Изготовленная из недолговечного материала скульптура до наших дней не сохранилась.

В 1928 году на углу улиц Ленинской [ныне пр. Ленина] и Астраханской на площадке около университетского городка был установлен другой памятник работы П. Ф. Дундука. На восьмигранном монолите со стилобатом из пяти ступеней находился бюст Чернышевского. Великий демократ изображен с несколько наклоненной вперед головой, как бы в момент глубокой думы.

В послевоенные годы вместо этого памятника на территории университетского городка [ул. Астраханская, 83] был сгружен памятник-бюст, выполненный саратовским скульптором В. И. Перфиловым. Автор показал Н. Г. Чернышевского в расцвете творческих сил. Его взгляд устремлен к потомкам, в будущее.

В 1949 году на усадьбе Дома-музея Н. Г. Чернышевского установлен мраморный бюст нашего земляка работы скульптора М. С. Рукавишникова. Н. Г. Чернышевский изображен в момент защиты диссертации.

26 июля 1953 года в дни празднования 125-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского на площади, ныне носящей его имя, был торжественно открыт монументальный памятник великому демократу. Бронзовая фигура Чернышевского установлена на постаменте из красного полированного гранита. Великий мыслитель, революционер-демократ изображен во весь рост, вся фигура его выражает огромное мужество, готовность до конца бороться за счастье народа. Авторы памятника — лауреат Ленинской и Государственных премий, народный художник СССР А. П. Кибальников и архитектор Н. П. Гришин. А. П. Кибальников писал, что великого демократа он показал «в расцвете сил, со взглядом, устремленным в будущее. В правой руке он держит свиток своего литературного произведения — главного оружия, которым он боролся за счастье народа».

Мраморный бюст
Н. Г. Чернышевского.

Благодарные потомки, отдавая должное гражданскому подвигу Н. Г. Чернышевского, в память о своем великом земляке Большой Сергиевской улице, где родился и жил революционер-демократ, дали имя Н. Г. Чернышевского. Имя великого демократа было присвоено Саратовскому государственному университету, о создании которого Чернышевский страстно мечтал и приложил немало сил к ускорению этого дела. Его именем названы школа, расположенная в здании бывшей духовной семинарии, в которой учился будущий революционер, театр оперы и балета в Саратове, два колхоза и совхоз в области.

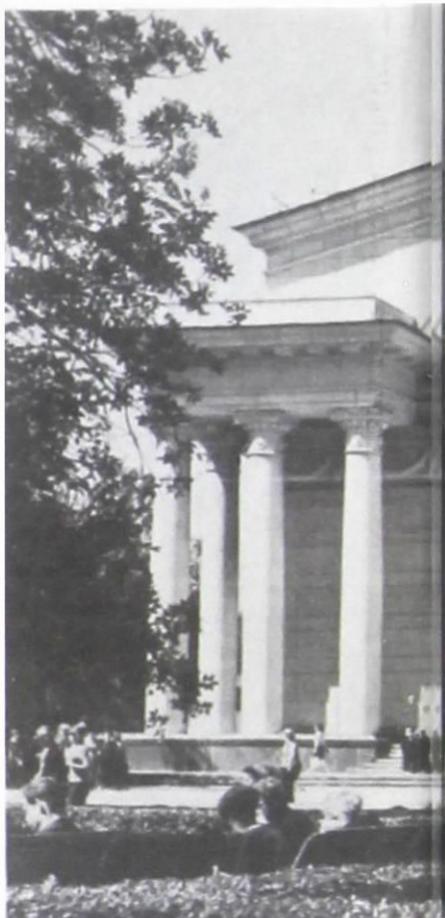

Саратовский государственный
университет имени
Н. Г. Чернышевского.

Памятник Н. Г. Чернышевскому
на площади его имени.

Театр оперы и балета
имени Н. Г. Чернышевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, с. 567. В дальнейшем указывается это издание.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.
- ³ Сб. «Герман Александрович Лопатин». М., 1922, с. 71.
- ⁴ Сб. «Ленин и книга». М., 1964, с. 398—399.
- ⁵ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 674.
- ⁶ Демченко А. А. Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Путеводитель. Саратов, 1969, с. 5—6.
- ⁷ Архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского. ОФ, ед. хр. 3806; Демченко А. А. Указ. соч., с. 112—113.
- ⁸ Архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского. ОФ, ед. хр. 3606.
- ⁹ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XV, с. 373.
- ¹⁰ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XIV, с. 48.
- ¹¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I. Саратов, 1958, с. 29.
- ¹² Там же, с. 59.
- ¹³ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 84.
- ¹⁴ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 675.
- ¹⁵ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XIII, с. 251—252.
- ¹⁶ Сб. «Звенья», VIII, 1950, с. 591—592.
- ¹⁷ Яковлев Б. Критик-боец (о П. И. Лебедеве-Полянском). М., 1960, с. 14—15.
- ¹⁸ «Известия» ВЦИК, № 213, 25 сентября 1920 г.
- ¹⁹ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 628.
- ²⁰ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XI, с. 260.
- ²¹ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 693.
- ²² «Русская старина», 1911, кн. 1, с. 82—83.
- ²³ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, с. 7.
- ²⁴ ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 62.
- ²⁵ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XIV, с. 6.
- ²⁶ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 41.
- ²⁷ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XIV, с. 218.

- ²⁸ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 132.
- ²⁹ Там же, с. 146.
- ³⁰ Воронов М. А. Повести и рассказы. М., 1961, с. 81.
- ³¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 135.
- ³² Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 418.
- ³³ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 157.
- ³⁴ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 551.
- ³⁵ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 419.
- ³⁶ Труды СУАК, в. 27. Саратов, 1911, с. 37.
- ³⁷ «Русская старина», 1884, кн. 5, с. 314.
- ³⁸ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. I, с. 409.
- ³⁹ Юдин П., Белов Е. А. — «Русская старина», 1905, кн. 12.
- ⁴⁰ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XIV, с. 305.
- ⁴¹ Чернышевский Н. Г. ПСС, т. XV, с. 883.
- ⁴² Чернышевская Н. М. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1952, с. 171.
- ⁴³ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 372.
- ⁴⁴ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 377.
- ⁴⁵ Короленко В. Г. Воспоминания о писателях. М., 1934, с. 25.
- ⁴⁶ Короленко В. Г. Письма к П. С. Ивановской. М., 1930, с. 26.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Демченко. Предисловие	5
«Я родился в Саратове...»	12
«...Делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгою...»	41
«...Работать с утра до ночи»	62
«Я хорошо служил своей Родине...»	82
Примечания	92

**Евгений Константинович Максимов
Галина Платоновна Муренина**

**ДОРОГИЕ
КАЖДОМУ МЕСТА**

(памятные места
Н. Г. Чернышевского
в Саратове)

Редактор *Л. А. Розанова*
Художественный редактор *В. К. Бутенко*
Технический редактор *Л. И. Борисова*
Корректор *Н. Н. Попова*

ПБ 488.

Сдано в набор 28.2.1979 г. Подписано к печати
15.11.1979 г. НГ25867. Формат 70×90¹/32. Гарни-
тура шрифта «Журнальная рубленая». Печать
офсетная. Бумага офсетная № 2. Усл.-печ. л. 3,51.

Уч.-изд. л. 3,57. Тираж 30000.

Заказ 3932. Цена 25 коп.

Приволжское книжное издательство.

Саратов, пл. Революции, 15.

Типография издательства «Коммунист».

Саратов, ул. Волжская, 28.

